

Сергей Гусаренко

GAVDEAMVS

Как студенту стать мужчиной
и другие академические хлопоты

18+

Сергей Гусаренко

**Gaudeamus. Как студенту
стать мужчиной и другие
академические хлопоты**

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Гусаренко С. В.

Gaudeamus. Как студенту стать мужчиной и другие академические хлопоты / С. В. Гусаренко — «ЛитРес: Самиздат», 2002

В книге не столько простым, сколько доходчивым языком рассказывается о самой лучшей поре в человеческой жизни – студенческой. Это зарисовки самых интересных и смешных моментов из жизни советских студентов начала восьмидесятых. Герои этой книги живут полнокровной студенческой жизнью, стараясь не пропустить ни единой возможности получить удовлетворение от всего происходящего с ними. Автор любит своих персонажей, поэтому они все если не совсем уж положительные, то, во всяком случае, приближаются к идеалу студента. В книге, как и в студенческой жизни, много смешного.

Illud erat vivere.

Вот это была жизнь!

(лат.) Из Петрония Арбитра.

Глава 1. Зимняя сказка

На последний в зимней сессии экзамен Ники шел без страха, но и без особого настроения. Полгода он исправно посещал лекции и на семинарах более или менее успешно создавал видимость знания предмета, потому что действительное знание предмета – привилегия преподавателя. Доцент Виктор Константинович Голуба выделял Ники среди других студентов и на лекциях иногда шутя обращался к нему: "А что скажет по этому поводу Николай Федорович?" Ники при таком обращении смущался и, конечно же, ничего не мог сказать «по этому поводу», потому что, как правило, понятия не имел, о чем идет речь.

Как бы то ни было, Ники зарекомендовал себя добросовестным студентом, два предыдущих экзамена сдал на "хорошо" и "отлично" и положенные три дня на подготовку к третьему использовал по назначению: изнывая от безделья, шатался по общежитию, валялся с учебником на постели, преодолевая невесть откуда взявшееся отвращение к чтению.

Неважное настроение студента Ники имело причиной его неудачную попытку стать мужчиной. Если точнее, неудачную попытку друзей Ники сделать его мужчиной. Если еще точнее, неудачную попытку его друзей и одной доброй девушки сделать студента Ники мужчиной.

Три дня назад, сразу после апокалиптического экзамена по истории КПСС, в общежитии в блоке №709 (коридор, две жилые комнаты, кладовая и туалет) Ники и его друзья, как обычно, решили провести летучее комсомольское собрание. Они не были не в меру сознательными комсомольцами и летучим комсомольским собранием, по причине сильного сходства, называли всякое случайное сборище численностью более двух человек. Это памятное для Ники собрание было посвящено итогам экзамена по истории КПСС и десяти бутылкам "Ркацители", сухого белого, безобидного с виду вина.

Председателя и президиум не избирали, поскольку функции этих выборных органов всегда выполнял сосед Ники по комнате – Серж, как его звали друзья и знакомые, или Сергей Штанга – по паспорту. Серж учился с Ники в одной группе, имел рост под два метра и весил почти центнер. Несмотря на эти особенности телосложения, он успешно усваивал институтскую программу и экзамен по французскому языку сдал на "отлично". Кроме того, Серж обладал завидной способностью вносить непрерываемое организующее начало во всякого рода коллективные мероприятия, особенно это ему удавалось на любого масштаба и размаха пирушках. Словом, право распоряжаться за столом заслуженно принадлежало ему.

Кроме Ники и Сержа, в летучке принимали активное участие их однокурсники Витя Гренкин и Костя Молотков, обитатели второй комнаты блока №709, а также Иван Козлов с немецкого факультета – разгильдяй по убеждениям (то есть он мог на теоретическом уровне отстоять свои разгильдяйские убеждения перед сторонниками педантичного отношения к жизни). Иван по неизвестным причинам не любил имени, данного ему родителями, и поэтому все его называли на английский манер – Айвэн (с ударением на первом слоге). Если его называли просто Иван или, упаси господи, Ваня, он злился и пытался нанести ответную обиду. В начале учебного года Айвэну не дали место в общежитии, поскольку он не был согласен с деканатом по некоторым вопросам принципиального характера; в частности, Айвэн Козлов и декан имели существенно различающиеся точки зрения по вопросу о том, насколько широко могут простираются границы всестороннего общения с девушками. Декан проявил себя консерватором, Айвэн – неумеренным либералом, за что и был изгнан из общежития. Он некоторое время жил у разных своих знакомых и в конце концов поселился в комнате Ники и Сержа. Два месяца назад, в ноябре, он пришел к ним с раскладушкой и попросил морально-политического убежища и защиты от произвола администрации. Убежище было предоставлено, Айвэн

прижился, положительно себя зарекомендовал и на последних летучих комсомольских собраниях уже имел полное право голоса.

Серж как председатель летучки исполнял свои обязанности безукоризненно, и уже через полчаса после начала заседания благодаря его блиц-тостам и правильно выбранному ритму смены блюд (сало – соленые огурцы – сало) за столом развернулась горячая дискуссия на тему "Что есть предмет "История КПСС" и на хрена его долбить целых два семестра?" Противниками столь длительного изучения славной истории партии были Айвэн и Костя Молотков, аргументация их была нецензурной и весьма убедительной. Ники и Витя Гренкин считали себя лояльными по отношению к главной политической силе страны, и их доводы были не менее убедительными. Ники от четырех стаканов сухого вконец распоясался и перешел на личности – стал обзывать своих оппонентов, как это было принято в высших партийных кругах, ренегатами и политическими проститутками. Костя, не поняв метафоры, обиделся на товарища за "проституток" и принялся называть Ники словами, не имеющими никакого отношения к теме дискуссии. Серж умело погасил назревавший конфликт двумя звонкими и абсолютно безобидными с медицинской точки зрения подзатыльниками, беседа плавно перешла в мирное русло. Заговорили о следующем экзамене.

В названии предмета – "Введение в языкознание" – Айвэн усмотрел нечто эротическое, и все члены собрания единогласно поддержали новую тему. Разговор шел о красивых девушках и вообще об отношениях полов. Через некоторое время беседа приобрела неприличный характер семинара, близкого по содержанию к семинару по обмену сексуальным опытом. Опытom делились все, кроме Ники, поскольку однажды он имел глупость признаться, что в свои семнадцать лет еще не спал с женщинами, и поэтому теперь не имел права голоса в этих вопросах. Постепенно предметом обсуждения стал сексуально необразованный Ники. Не то чтобы над ним издевались, но упрекали в безответственном отношении к собственной физиологии, потом начали пугать поллюциями, угрями на лице и сперматозоидами в крови. Насчет сперматозоидов в крови больше всех распространялся Витя Гренкин: он сначала собирался поступать в мед и теперь считал себя вправе иметь решающий голос по медицинским вопросам.

Ники долго и безропотно слушал своих заботливых товарищей. В конце концов ему это надоело, и его разгулявшийся от выпитого интеллект подсказал ему, как прекратить нападки. Ники успешно сымитировал раздражение и в духе "отвяжитесь-от-меня" воскликнул:

– Ладно, хватит! Просто, я не привык рисоваться своими успехами в этих делах. Женщину я познал еще в девятом классе.

Члены летучего комсомольского собрания тут же обсудили неожиданное заявление своего товарища и, проанализировав некоторые особенности его общения с девушками (крайняя нерешительность, столбняк при случайных прикосновениях к самым безобидным частям женского тела, вызванные этим неумеренные до неприличия извинения и "покраснение кожных покровов морды"), пришли к единственно возможному выводу, что если Ники и познал кого, так это себя – в правую или левую руку. Ники не обиделся, только заметил, что онанизм – всего лишь один из этапов в половом развитии молодого человека. Такое откровенное признание шокировало присутствующих, и за столом на некоторое время воцарилась тишина, а потом Айвэн взорвался:

– Нет, ну какая сволочь?! На него столько девочек засматривается, а у него еще онанический этап не кончился!

– Кончился, – отрезал Ники. – Просто я еще не перешел к следующему этапу.

– А когда перейдешь? На тебя такие девчонки косятся, а ты что, до совершеннолетия мастурбировать собрался?

Насчет девочек Айвэн не преувеличивал: Ники был хорош собой. Благородный купаж русской, туркменской и даргинской крови дал прекрасные результаты. В наследство от интернациональных предков Ники досталась худощавая и стройная фигура, у него были иссиня-

черные волосы, длиной до середины уха, на бледном, слегка продолговатом лице возвышался средних размеров нос с намеком на орлиность и очень выделялись яркие голубые глаза, обрамленные черными коровьими ресницами. К тому же у Ники была хорошая осанка, приобретенная, видимо, по тому же наследству, поскольку спортом, из-за непонятно от кого доставшейся опять-таки по наследству лени, он не занимался и специально за нею не следил. Ники сам замечал на себе заинтересованные взгляды девушек, ему было приятно это внимание, и его, конечно же, посещали самые смелые фантазии и желания. Иногда в этих фантазиях он доходил до того, что видел себя входящим в зал бракосочетаний об руку с понравившейся девушкой под волнующие звуки марша Мендельсона. Такие умозрительные опыты стали своего рода проверкой, насколько велики его симпатии к девушке. В общем, Ники был весьма уравновешенной личностью, хотя в силу своей недогадливости и нерешительности иногда казался наиболее решительным девушкам беспросветным дебилом.

Последнее обвинение Айвэна задело Ники, и чтобы как-то отделаться от слишком уж заботливых друзей, он снова, на этот раз еще более неудачно, соврал:

– Дело не в этом. Просто, когда смотрю на обнаженное женское тело, я получаю чисто эстетическое наслаждение.

Снова последовало молчание: все, в том числе и сам Ники, некоторое время осмысливали связь женского тела и эстетики, поскольку последняя никак не вписывалась в тему. Первым из оцепенения вышел Серж и сразу же развенчал покривившего душой товарища:

– Эстет, Ники! Скажи нам, что ты в карманах штанов мял, когда смотрел порнуху в журнале, что Айвэн приносил?

Риторический вопрос Сержа со всей ясностью доказал несостоятельность заявления Ники. Друзья посоветовались и решили, что "с этим надо кончать" и что пора сделать их безответственного товарища мужчиной. Путем открытого голосования была избрана комиссия в составе Сержа и Айвэна, которой было поручено в кратчайшие сроки покончить с позорящей коллектив девственностью Ники. Ники выступил против слова "девственность", и члены собрания согласились было с ним, но при попытке подобрать другое, более подходящее слово, даже будучи студентами-филологами, зашли в тупик. Именования "безгрешность" и "непорочность" не подходили, так как Ники, по мнению друзей, не был ни безгрешен, ни непорочен – в силу его онанических наклонностей. В конечном итоге вернулись к первоначальному варианту обозначения сексуального статуса Ники.

Председателем Комиссии по устранению девственности Ники был избран Айвэн, как самый сексуально образованный. О своей половой грамотности он заявил еще в начале первого курса, предъявив в доказательство оплавленные подошвы своих кроссовок. Это повреждение обуви Айвэн объяснял тем, что однажды, еще до поступления в институт, у себя на родине в селе Комолая Балка он несколько раз любил девушку в школьной котельной, будучи вынужденным при этом упираться ногами в раскаленную стенку котла. Странное вещественное доказательство, тем не менее, возымело действие, и Айвэну поверили. Более того, Ники и Серж, за плечами которых к тому времени было два месяца изучения латыни и книга И. Кона по сексологии, не могли не придумать термина, обозначающего поведение Айвэна в описанной им ситуации, и придумали: термофилия – склонность к занятиям любовью в горячо натопленных помещениях. Двоечник Айвэн не до конца понял ход мыслей своих товарищей, однако против определения "термофил" ничего не имел против, тем более что оно совершенно не было похоже на слово "педераст" (ругательных слов "зоофил", "педофил", "некрофил" и т.п. он еще не знал).

Поставленная перед комиссией задача несколько облегчалась тем, что Айвэн и Серж были весьма и весьма близко знакомы с одной очень доброй девушкой по имени Наташа (или Натали – для друзей) с пятого курса; они сами неоднократно пользовались ее добротой и

поэтому были уверены, что именно она должна им помочь в благородном деле развращения Ники.

Взбудораженный величием замысла, Айвэн хотел было реализовать его сейчас же, но летучее комсомольское собрание затянулось за полночь, и его убедили отложить мероприятие. Два дня было решено посвятить подготовке к задуманной акции и к следующему экзамену. С подготовкой к экзамену все было ясно, к началу же мероприятия по устранению девственности Ники предстояло сделать следующее: 1) найти место на ночь для соседки Натали по комнате, чтобы она не мешала Ники; 2) найти денег, чтобы купить спиртного и минимальный для таких случаев гастрономический набор (потом все же купили много спиртного, так как решили, что товарищам Ники тоже надо как-то переживать и волноваться); 3) поставить в известность Натали. Комиссия взялась за дело, и к вечеру назначенного дня все было готово: соседку, несмотря на ее протесты, временно переселили, припасы купили – на деньги Ники, предназначенные для приобретения нового "дипломата", здраво рассудив, что кому как не подшефному оплачивать собственный праздник, предупредили Натали, и она любезно согласилась провести секс-практикум.

Вообще-то, поведение Натали, в смысле ее доброты к Айвэну и Сержу, было довольно странным. Бывало, она неделями не подпускала их к себе, а потом вдруг бросалась во все тяжкие, и тогда друзья ночами напролет, не покладая рук, так сказать, были ею заняты. Когда была подмечена эта особенность Натали, Ники, временами очень любивший поумничать, определил ее сексуальное поведение как спорадическую нежность. В те дни как раз приключился очередной приступ доброты, и было решено им воспользоваться.

Деятельность комиссии набрала такие обороты, что даже если бы Ники и решил не подчиниться постановлению последнего комсомольского собрания, то все равно был бы втянут в мощный водоворот событий. В назначенный срок около десяти часов вечера, когда в общежитии просыпается жизнь и засыпает внушенная родителями бдительность, в блоке №709 началась скромная, как бы импровизированная вечеринка.

Нажарили картошки, открыли последнюю (резервную, для особо торжественных случаев) банку маринованных помидоров, пригласили двух однокурсниц для временной компании Натали, и без формальностей начали плановое комсомольское собрание. Через некоторое время на огонек заглянула Натали, и мужская часть компании слегка напряглась, озабоченная ответственностью момента и возможным поведением Ники. Ники же, ободренный поддержкой товарищей, вел себя хорошо, не смущался (по крайней мере, не выглядел смущенным) и даже несколько раз дерзко встретился с Натали взглядом.

Однокурсницы вскоре ушли готовиться к завтрашнему экзамену, тем самым переведя мероприятие по лишению Ники девственности из первой стадии во вторую. Наступил тот момент застолья, когда есть уже перестали и продолжали только пить, курить и говорить. Серж включил магнитофон и поставил "Пинк Флойд", чью музыку любили все, а Ники был ее страстным почитателем. Серж в этот знаменательный день решил сделать другу приятное, однако от "Пинк Флойд" вскоре пришлось отказаться, так как было замечено, что внимание посвящаемого в секс переключилось с дамы на музыку. Айвэн наклонился к Ники и прошепел ему в ухо: "Ты что, сучок, на дискотеку пришел?" Серж включил "Арабески" и положение было исправлено.

Друзья Ники были так озабочены его судьбой, что иногда даже забывали выпить, что, впрочем, компенсировалось с лихвой, когда вспоминали. С каждым стаканом опытные, сексуально образованные наставники все более проникались ответственностью за его ближайшее будущее, и вскоре их знаки товарищеского участия стали приобретать несколько навязчивый характер: они все вместе хватили Ники за руку, когда он, уже заметно захмелевший, тянулся за стаканом (чтобы, упаси господи, не напился), снисходительно и ласково заглядывали ему в глаза (мол, все будет нормально, друг!), каждый раз, оказавшись рядом с Ники, ободряюще

похлопывали его по плечу (спине, голове, лицу). Костя Молотков, уходя в гости к любимой девушке, перекричал магнитофон:

– Ники, если что, обращайся!

Костя вообще был прямым парнем: смотрел всегда прямо в глаза, прямо говорил то, что думал, а иногда, если считал это необходимым, мог просто, для убедительности, ударить. Целей своих Костя старался достигать самыми простыми способами, поэтому ему были не совсем понятны мероприятия вроде нынешней вечеринки. Сам он в таких случаях поступал иначе, не считая необходимым совместное с дамой веселье. Костя допивался до нужного состояния, затем, если это было теплое время года, сворачивал свой матрас в рулон, брал его под мышку и шел за своей пассией на пятый этаж, где она жила; потом он вел ее на прогретую за день солнцем крышу общежития и там, на высоте девятого этажа, под звездами любил свою подругу. Где они это делали с октября по апрель и почему девушка принимала столь странную манеру ухаживания – не знал никто. Костины друзья, пристрастившись давать научные названия разным способам сексуального поведения, привычку своего друга любить на крыше окрестили крышефилией (как будет на древних языках "крыша", они не знали). Витя Гренкин был в то время в ссоре с Костей и злобно предложил для обозначения данного явления оскорбительный, по его мнению, термин "крышеложество", который был отвергнут остальными, поскольку, утратив древнегреческий компонент "филия", слово теряло свою глубокую научность.

Как-то раз Костя не мог выйти с матрасом под мышкой из своей комнаты, поскольку дверь в тот вечер оказалась для него особенно узкой, и его заботливые товарищи вместо обычного рулона свернули матрас в скатку и надели ее на героя-любовника через плечо, как это делали солдаты Красной Армии с шинелью или плащ-палаткой. Получилось очень удобно: освободились обе руки, и теперь Костя мог держаться за стены узкого коридора, к тому же, в случае падения вперед или назад грудь и спина были защищены. Однако из того похода к любимой Костя вернулся ни с чем: его подруга, увидев в дверях улыбающегося оловянноглазого красноармейца с матрасом-скаткой в походном положении, в гневе вытолкала его в коридор, сопроводив свои действия словами: "Совсем охренел!" С тех пор Костя ходил на свидания только с матрасом под мышкой, как обычно. В этот зимний вечер он ушел, конечно же, без своего вспомогательного орудия любви.

Пришло время приступать к третьей, заключительной стадии мероприятия. Натали это поняла без намеков и сказала, что хотела бы уже идти спать. Подробно проинструктированный Ники вызвался ее проводить. По пути в альков он не особенно задумывался о том, как будет вести себя в решающий момент, он надеялся, что естественный ход событий подскажет ему соответствующую линию поведения. Но Натали в отличие от Ники не доверилась естественному ходу событий, а потому решила взять дело в свои руки, и уже через три минуты после ухода из своего блока Ники стоял в одних трусах перед кроватью, на которой возлежала его наставница. Ники пристроился рядом.

Как ни берегли его друзья от выпивки, он все же ухитрился хлебнуть для храбрости лишнего, иначе трудно объяснить, почему после минутного молчания Ники первым делом внятно произнес:

– Ну что ж, начнем с легкого петтинга.

Добрую девушку Натали слегка покоробил этот циничный комментарий предстоящих действий, но она решила, что это "от нервов", и приняла ласки неофита. Ники положил руку на теплую грудь своей временной подруги, немного полежал молча, соображая что-то, потом вежливо поинтересовался:

– Тебе приятно?

– Пока не очень.

– Странно. У Овидия написано, что должно быть приятно.

Натали про себя отметила, что это не из Овидия, и решила, что если Ники и дальше будет таким образом озвучивать каждое свое движение, то придется заткнуть ему рот – чтобы не отвлекался. Ники между тем входил во вкус и все более распался, его увлекала откровенность и податливость Натали. Конечно же, он и раньше целовался и обнимался с девушками, но тогда было непонятно, как поведет себя подруга дальше и чем все это кончится. Сейчас же все было ясно, и он уверенно двигался к цели. Он больше не рассказывал Натали, что собирается делать, но вместо этого начал бормотать нечто не совсем подходящее в данной ситуации. (Надо сказать, что в ту зиму Ники находился под сильным впечатлением от знаменитой трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам», особенно его покорили женские образы. Видимо, этой ночью Натали ему привиделась целомудренной Дашенькой, а себя он вообразил Мамантом Дальским.) Он вдруг залопотал: "Ну зачем ты сжимаешь колени? Для кого? Для кого ты себя бережешь?" – хотя никто ничего не сжимал и не берег, и даже наоборот. В общем, парень сублимировал вовсю.

Натали поначалу была ошарашена такими речами, но опять-таки успокоила себя тем, что это от все тех же нервов, и старалась не обращать на них внимания. Нежности Ники тем временем приняли ураганный характер: он осыпал Натали поцелуями (когда молчал) и ласкал везде, куда доставали руки. Она не на шутку завелась. Несмотря на свои безумные излияния, Ники, сам того не подозревая, довел партнершу до соответствующего моменту состояния, и она уже начала сомневаться, так ли уж девственен этот Ники. И в этот чудный момент, когда прелюдия, по идее, была завершена и наступило время заняться тем, ради чего все было затеяно, Ники вдруг сполз с Натали, удобно улегся на спину рядом с нею, закинул руки за голову и, глядя в потолок, мечтательно и радостно почти пропел:

– Эх, Натаха! Сейчас бы кефиру с булочкой!

Перефразируя известные строки, можно сказать, что Ники не было дано предугадать, чем его слово отзовется. Через полминуты после произнесения этой замечательной фразы он, скукожившись всем телом, уже стоял в коридоре – голиком, с комком своей одежды в руках, как новобранец при получении военного обмундирования. Если бы его увидели в этот момент друзья, то непременно объявили бы эксгибиционистом. Но Ники не был эксгибиционистом – он был приличный молодой человек, которому вдруг захотелось кефиру с булочкой. В процессе выдворения несостоявшегося любовника доброй девушке Натали хотелось бросить ему в лицо: "Иди, жри свои булочки!", но она сдержалась, потому что была доброй девушкой, и Ники был экстренно катапультирован за пределы некогда гостеприимного блока в зловещем молчании.

На лестничной площадке он быстро оделся и сначала решил постоять там с полчаса, чтобы возвращение не показалось его друзьям слишком скорым, но потом рассудил, что, слоняясь по лестнице, можно нарваться на кого-нибудь из них, и тогда придется срочно что-то выдумывать. Ники решил вернуться домой и направился в свой блок, на ходу придумывая легенду.

Когда он вошел в комнату, друзья его курили и мирно беседовали, на столе стояла последняя бутылка вина. Ее оставили, чтобы отпраздновать триумфальное возвращение новоиспеченного любовника. Ники молча сел за стол и в минуту съел все, что осталось от недавнего пиршества. Его тактичные товарищи отметили это про себя и истолковали по-своему, оставив увиденное без комментариев. Их, конечно, удивило, что секс-именинник так быстро вернулся, однако каждый из них решил, что для первого раза достаточно. Ники между тем так же молча откупорил бутылку, опрокинул три стакана подряд и буквально на глазах у друзей совершенно опьянел. А пьянел он нехорошо: становился мрачным и вел себя безобразно; глаза его при этом стекленели и утрачивали способность вращаться в орбитах, поэтому каждый раз, когда нужно было перевести взгляд с одного предмета на другой, на что обычно хватает движения глаз, Ники приходилось крутить головой. В таком состоянии он был похож на грозного петуха с очень замедленной реакцией. Голова Ники, более тяжелая, чем глаз, при повороте продолжала

двигаться по инерции даже после того, как ей уже нужно было остановиться, поэтому, чтобы задержать взгляд на каком-нибудь предмете, он был вынужден делать несколько попыток.

Друзья ожидали, что Ники наконец заговорит, но он вальяжно откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и уставился в пространство перед собой. Айвэн болел душой за успех мероприятия больше всех, поэтому первый не выдержал и спросил:

– Ну как, Ники?

Ники набычившись:

– Нормально.

– Что – нормально?

– Все.

Последовало недолгое молчание, кто-то нервно затарабанил пальцами по столу. Айвэна смущала некоторая односложность ответов, и он продолжил:

– Понравилось?

– А то! – с вызовом откликнулся Ники.

– А что больше всего понравилось?

– Все.

Дружеского обмена мнениями явно не получалось, и аудитория была сильно озадачена. Серж слушал эту своеобразную беседу молча и хотел было уже подключиться, когда Ники вдруг встал, прошел покачиваясь по комнате, приблизился к нему и, очевидно приняв себя за кого-то другого, сунул Сержу кулак под нос и ни с того ни с сего зловеще произнес:

– Чуешь, братан? Смертью пахнет.

Сержа поначалу разобрал смех, потом веселое удивление сменилось раздражением, и он бросил:

– Отвали, кабан слюнявый! Расскажи лучше, чем вы там с Натали занимались, что ты таким придурком вернулся.

В мозгах Ники наступило относительное прояснение, он сообразил, что сморозил нечто абсолютно непотребное. С полминуты раскаявшийся агрессор соображал, как исправить положение, и наконец выдумал ни к чему не обязывающую фразу, которую постарался произнести с выражением:

– Натали – прелесть! Я в восторге.

Ответом ему была непонятная тишина, и он с уверенностью в голосе добавил:

– Честно!

Айвэну и Сержу не понравился такой скромный отзыв о достоинствах доброй девушки: они-то знали, что такое Натали. Айвэн уже раскрыл рот, чтобы помочь Ники найти наиболее подходящие выражения для передачи неповторимых ощущений, но тот вдруг встал, взял газету со стола и объявил:

– У меня срочное погружение в нирвану.

Понимать это следовало как "я пошел в туалет". Пока Ники медитировал на унитазе, его товарищи провели срочное комсомольское собрание, на котором обсудили странное поведение своего друга. Они не допускали мысли, что его могла постигнуть неудача – ведь за дело взялась очень искушенная в этих делах добрая девушка, и в результате пришли к выводу, что все это от того, что Ники перенес сильнейшее нервное потрясение, пережил шквал положительных эмоций, и теперь мужское общество ему ненавистно.

Ники вернулся в комнату, как мог приветливо улыбнулся друзьям и завалился на свою кровать, через минуту послышалось его ровное сопение. Летучее комсомольское собрание было продолжено, и слово взял Витя Гренкин. Он поднял вопрос о том, почему это комсомольцу Хаятуллаеву так неестественно быстро захотелось в туалет – сразу после общения с девушкой. Серж задал выступающему вопрос, сколько было бы для него "естественно быстро", и вразумительного ответа не получил. Айвэн же припомнил прецедент из своего опыта и

убедил Витю, что такое поведение в принципе допустимо. Обсуждение продолжилось бы и дальше, как вдруг дверь открылась, и в комнату медленно вошел Костя Молотков, только что вернувшийся от любимой. Взор его был ужасен, на глазах блестели слезы. Он обвел присутствующих испепеляющим взглядом и страшным голосом спросил:

– Кто последний был в сортире?

– Ники.

– Я его задушу. Этот скот не смыл после себя!

Тут следует сказать, что, как и во всяком нормальном студенческом общежитии, вода здесь после десяти вечера не поднималась выше первого этажа. Для удовлетворения гигиенических нужд нужно было сначала с ведром бежать в душ в цокольном этаже, набирать там воды, а потом уже делать то, что приспичило. Это был священный закон, неукоснительно соблюдавшийся всеми. Несмытие с унитаза продуктов жизнедеятельности расценивалось как преступление против человечества, и никакие облегчающие вину обстоятельства не принимались во внимание, поэтому члены комсомольского собрания в полной мере разделили негодование Кости Молоткова, однако расправы над своим легкомысленным товарищем не допустили, объяснив Косте, что это от нервного потрясения, на что бессердечный Костя грубо ответил:

– Да лучше бы он там, у Натали, от потрясения ус...лся!

Убирать за Ники никто не собирался, и преступника подняли по тревоге. Одуревший от десятиминутного сна и еще хмельной, он совершенно не понял, чего от него хотят, но, почувствовав недобрую атмосферу, безропотно взял ведро и направился в душ. Там он в сомнамбулическом состоянии набрал воды, поднялся обратно в блок и вошел с этим ведром в комнату. Заботливые руки друзей направили Ники из комнаты и затолкали в туалет, поместив лицом к унитазу. Он внимательно посмотрел на им же сотворенное безобразие и задумчиво проговорил:

– Где-то я это дерьмо уже видел.

Эта нейтральная, в общем-то, фраза вывела из себя пострадавшего больше всех Костю, которого пришлось изолировать, чтобы он не сделал провинившегося инвалидом. Серж, державший Ники за руку, чтобы того не штормило, смахнул непрошеную слезу и голосом, исполненным горечи и сарказма, нараспев и с подвывом протянул:

– Ты гляди, какой наблюдательный! Смывай, сволочь, быстрее, не то всех потравишь!

Ники повиновался.

Утром он по привычке проснулся в половине восьмого, оделся, взял сигарету и вышел на балкон (Серж с утра не переносил запаха дыма). Падая тихий, редкий снег. Ники восстановил в памяти события минувшей ночи, и настроение его испортилось. Ему было очень неприятно, что он подвел своих товарищей, что все их хлопоты оказались напрасными, что Натали теперь будет считать полновесным кретином и что вчера он забыл убрать за собой в туалете, нанеся тем самым душевную травму другу Косте. Последнее более всего причиняло беспокойство, поскольку он знал мстительный характер Молоткова, который после вчерашней интоксикации мог затаить в душе злобу.

Впрочем, Ники ошибся. Костя не злился на него, хотя сам факт несмытия надолго запечатлелся в его памяти. Он молча встал и пошел умываться, предварительно понюхав воздух у двери в туалет.

Иначе повели себя Серж и Айвэн. Едва продрал глаза, они направились к Натали, чтобы узнать, как все было и почему Ники пришел такой неприветливый. Натали, узнав, зачем они пришли, возмутилась, справедливо полагая, что это их не касается. Но члены комиссии в составе председателя и члена-исполнителя, организовавшие мероприятие, были настойчивы; они объяснили доброй девушке, что несут ответственность за психическое и физическое здоровье своего товарища. Натали сдалась и рассказала все, вплоть до последних слов Ники.

Это был удар. Серж и Айвэн уже готовы были допустить, что их подопечный, ввиду неопытности, мог не справиться с задачей по физиологическим причинам, но, по свидетельству Натали, с этим у него все было нормально. Значит, пришли они к выводу, Ники, подлец, действительно в душе променял даму на какие-то мифические кефир с булочкой. Друзья отправились к себе на седьмой этаж. Шли молча, обдумывая происшедшее, иногда с их губ срывалось горькое ругательство.

В восемь часов утра в блоке № 709 открылось закрытое (только для жильцов блока) комсомольское собрание. Ники хотел было улизнуть на экзамен, но Серж его остановил:

– Сядь, гаденыш! Успеешь.

Слово взял Айвэн. Он очень волновался, и речь его была сбивчивой, хотя основные ее положения были понятны слушающим. Темой его выступления стала морально-этическая сторона поступка Ники. Айвэн обвинил его в предательстве идеалов и в беспринципности, в обжорстве и извращенности нравов; приплел он сюда и несмытие с унитаза. Все выше изложенное передает лишь суть выступления, переведенного на нормальный человеческий язык, так как большая его часть состояла из непечатных выражений. Закончил Айвэн торжественно и строго (тоже дается в переводе):

– Ты, Николай, подорвал наше доверие, и тебе придется отвечать за свой проступок.

Перешли к прениям. Костя Молотков был краток и не так красноречив, как Айвэн, он высказал только наболевшее:

– Как в сортире нагадить – так пожалуйста, а как с девкой разобратся – так ни хрена.

Витя Гренкин, несостоявшийся медик, наговорил много всяких слов о необходимости сексуальной разрядки и, опять-таки, о сперматозоидах в крови. Заключил он свою речь тем, что высказал сомнение в правильности сексуальной ориентации своего товарища. Ответом ему был полный ненависти взгляд Ники, и эту тему развивать не стали.

Серж любил Ники, как сына, и поэтому высказал желание выпороть его как следует (сынчик напрягся, потому что Серж однажды уже проделал такое, когда Ники разбил его любимую чайную чашку), но потом как-то обмяк и с горечью сказал:

– Ники, Ники! Что с тобой дальше будет?

На этом прения прекратились, и решено было перейти к организационным выводам. Эта часть летучего комсомольского собрания не затянулась надолго, потому что выводы напрашивались сами. Было решено: а) поручить Ники стать мужчиной в срок до 7 апреля, дня его совершеннолетия (об исполнении доложить); б) специальных мероприятий по этому делу не организовывать (ввиду отрицательного опыта); в) запретить Ники вообще говорить с девушками о еде (дабы не вырабатывать губительного для секса навыка).

Ники верил в благожелательность своих товарищей по союзу молодежи, и такой благоприятный финал собрания его не удивил. Все стали собираться на экзамен, Ники был уже готов и пошел в институт один, не дожидаясь друзей. По пути он с внутренней усмешкой по привычке вообразил ситуацию с загсом и девушкой – сегодня в этой роли выступила Натали, однако, вместо ожидаемого тонизирующего Мендельсона, в голове Ники вдруг грянула не менее тонизирующая героическая песня "Вставай, страна огромная..."

Ники не любил играть в карты, но на экзамены ходил с удовольствием. Ему нравилось очень похожее на азарт, с легкой тенью страха состояние, которое он, войдя в экзаменационную аудиторию, испытывал до того момента, когда узнавал содержимое выбранного им билета. Он также не раз отмечал про себя поразительную схожесть экзамена и лотереи, только вот в лотерее, как он считал, все гораздо справедливее – никто не задает дополнительных вопросов и не рыскает в журнале посещаемости перед тем, как вручить выигрыш. Каждый раз, прочитав вопросы в билете, Ники приходил в ужас, и каждый раз, поразмыслив некоторое время, он успокаивался, потому что память, как правило, выдавала всю необходимую информацию.

К тому же он знал, что к студентам его факультета у преподавателей института было особое отношение, поскольку это был не просто факультет, а факультет РКН.

Название РКН расшифровывалось следующим образом: русский как нерусский. Этот факультет открылся всего за полтора года до описываемых событий, и готовили на нем преподавателей русского языка для иностранных учащихся. Параллельно с русским будущие преподаватели РКН изучали по полной программе один из иностранных языков: французский, английский или испанский. Работа по окончании факультета РКН предполагалась ответственная – обучение братьев меньших из третьего мира, значительная часть которого была сильно подпорчена капиталистической пропагандой под видом самых разнообразных товаров очень хорошего качества, поэтому набор контингента по соответствующей разрядке был поручен районным комитетам комсомола по всему краю, и поступить на РКН можно было только по рекомендации крайкома, которая выдавалась на основании направления из райкома. В общем, это был нормальный бюрократический идиотизм начала восьмидесятых в самом материалистическом своем проявлении. Несмотря на всю сомнительную полезность своего существования, райкомы все же сообразили не отбирать кандидатов по макулатуре комсомольских собраний, а обратились к учителям и директорам школ. Поскольку факультет считался престижным, определенную часть студентов, конечно же, составляли дети партийных и советских деятелей районного и краевого масштаба. Поначалу они сами себя считали чем-то вроде элиты (относительно интеллектуальной), однако через пару семестров почувствовали, что демократическая студенческая среда не приемлет какой бы то ни было сословности, да и умственные способности многих из них, как выяснилось, не дотягивают до уровня хорошего троечника.

На других факультетах иняза считалось нормальным получить удовлетворительную оценку на экзамене; на РКН дело обстояло иначе: здесь нужно было учиться только на "хорошо" и "отлично", потому что получивший "удовлетворительно" становился не как все остальные на факультете, где просто принято не получать таких оценок, и традиции эти установили сами студенты. Польщенные преподаватели чувствовали такое отношение к учебе, и это зачастую помогало студентам в трудных ситуациях.

На экзамен Ники зашел с легким сердцем. Преподаватель, Виктор Константинович Голуба, встретил его как доброго знакомого:

– А, Хаятуллаев! Ну, берите билет.

Ники взял.

– Какой номер? Прочитайте вопросы. Может, будете сразу отвечать, без подготовки?

Ники назвал номер билета, прочитал вслух вопросы. Отвечать сразу он отказался. Хотя материал ему попался знакомый, он все же решил посидеть и подумать, потому что уже уяснил для себя, что языкознание – наука хитрая, и с налету можно наговорить бог знает чего. Ники уселся за последний стол и принялся соображать. За десять минут он исписал несколько страниц бумаги и был относительно готов к ответу. Относительно, поскольку, как и всякий нормальный студент, он не мог знать абсолютно всего материала, и нередко бывало, что он (опять-таки, как всякий нормальный студент) отвечал не то, что нужно по билету, а то, что помнил, пытаясь путем виртуозных логических комбинаций ввести в заблуждение экзаменатора. Подобные выкрутасы преподавателями расценивались по-разному: одни были снисходительны, другие делали вид, что не понимают причин подобных отклонений, и задавали непонятные вопросы, третьи сразу выносили вердикт. Голуба занимал позицию между первыми и вторыми, и студенты знали это.

Оставалось ждать, пока ответят еще трое, и Ники заскучал. От нечего делать он запустил руки в стол и наткнулся на учебник. Он еще ни разу в жизни не списывал (не умел этого делать незаметно), а тут вдруг решил посмотреть, что еще можно дополнить к своему ответу, и это было очень опрометчивое решение. Матерый доцент Голуба заметил возню Ники в столе и удивленно спросил:

– Хаятуллаев, вы списываете?

Неопытный в вопросах поведения при захвате с поличным, Ники всполошился и, выдернув руки из стола, уложил их прямо перед собой, как сфинкс. Преподаватель встал и медленно направился в сторону нарушителя. Ники, не решаясь действовать руками, попытался задвинуть торчащий из стола учебник нижней частью живота и сделал несколько судорожных движений тазом. Со стороны это выглядело очень сексуально – как будто темпераментный молодой человек насилует кого-то под столом, не подавая при этом виду. Голуба поначалу остолбенел, увидев конвульсии нарушителя, а потом продолжил путь. Он не считал достойным преподавателя рыться в столе у студента и поэтому просто прошел рядом с ним, однако рост его был таков, что этого было достаточно, чтобы обнаружить в столе книгу, даже не наклоняясь. Преподаватель ничего не сказал и вернулся к своему столу.

Ники инцидент с учебником не принял всерьез, тем более что и списать ему не удалось. У доцента Голубы сложилось иное мнение по этому поводу, поэтому Ники, после того как рассказал экзаменатору все, что знал, в ответ услышал нечто совсем для себя неожиданное:

– Три.

– Что, извините?

– Я вам ставлю три. Удовлетворительно.

Ники наконец поверил своим ушам. Пока он приходил в себя, Голуба успел вывести в ведомости "удовл." и взялся уже за зачетную книжку. "Тройка" в зачетке не устраивал Ники, и он сделал то, чего сам от себя не ожидал – выхватил свой главный документ из-под носа у преподавателя и убежал из аудитории. Теперь опешил доцент Голуба. Он сталкивался с разными причудами у студентов, но такое видел впервые. Преподаватель очень расстроился и по этой причине собрался ставить "удовлетворительно" и Сержу, бойко ответившему на хорошую четверку. Однако Серж оказался проворнее и по примеру своего друга молча и очень быстро удалился из аудитории со своей зачеткой. Виктор Константинович почувствовал себя обманутым и еще больше расстроился. Витя Гренкин и Костя Молотков, которым предстояло отвечать последними, видя настроение преподавателя, забеспокоились, но им повезло: доцент Голуба взял себя в руки и они отделались четверками.

В коридоре Серж и Ники лихорадочно соображали, что делать дальше. Решили дождаться окончания экзамена, остаться наедине с Голубой и, используя мягкий прессинг, добиться от него хороших оценок, но тут они просчитались. Их ввело в заблуждение тщедушное тельце преподавателя: несмотря на малый рост, он обладал достаточной силой духа, и если испытывал к кому-либо неприязнь, то только стойкую. Поэтому, когда два друга вошли в аудиторию и стали убеждать Голубу в несправедливости его поступка, он пробормотал нечто вроде "Оставьте меня, идите в деканат" и, собрав бумаги со стола, скорым шагом удалился. Былые симпатии исчезли бесследно. И только сейчас Ники окончательно понял, что глупость совершил все же он и винить некого. Эти соображения он изложил друзьям и смиренно выслушал несколько мерзких эпитетов от Сержа, который злился, скорее, на Голубу, но излить душу мог только другу. Витя Гренкин в вульгарных выражениях прокомментировал безуспешную попытку Ники изнасиловать предмет мебели.

Идти в деканат и выяснять тонкости процесса пересдачи экзамена было уже поздно, и решение проблемы было отложено на неопределенный срок.

Настроение у Ники и Сержа было испорчено выходкой доцента Голубы, но долго пребывать в унынии настоящий студент не в состоянии. Они сдали последний экзамен, и теперь их ожидали две недели зимних каникул, и это были не просто каникулы, а двенадцать полных удовольствий дней в институтском лагере Дамхурц, который, очевидно, по недоразумению называли также спортивно-оздоровительным.

Тот, кто однажды побывал в Дамхурце, не мог не вернуться туда снова. Поселок лесорубов, когда-то переданный инязу, располагается в живописнейшем месте – в широком ущелье, где река Дамхурц впадает в Большую Лабу. Нет смысла описывать этот приют счастливых и состояние человека, там оказавшегося – это надо пережить. В студенческом лагере было все для полноценного отдыха: горы со всех сторон, высота полтора километра над уровнем моря, кристальной чистоты реки и, самое главное, изысканное общество людей, объединенных одной целью – любить и радоваться жизни. В достижении этой цели не меньшую роль, чем горы и вода, играл магазин типа сельпо – финансово-гастрономический центр Дамхурца, несмотря на более чем скромный ассортимент самых необходимых товаров и не менее необходимых напитков. В лагере было полтора десятка небольших деревянных домиков, из всех достижений цивилизации они были снабжены только печками, кроватями и столами, остальные удобства располагались на улице. Туалет на двенадцать посадочных мест, как Парфенон на Акрополе, возвышался над остальными строениями, поскольку по непонятным соображениям был воздвигнут в самой высокой точке лагеря – на склоне горы. Умывальников вообще не было, поэтому и летом и зимой отдыхающая публика совершала утренний туалет прямо на берегу живописной реки Дамхурц, температура воды в которой даже в июле не поднималась выше семи градусов. Встретив утром студента, всегда можно было безошибочно определить, с реки он идет или на реку: у тех, кто уже совершил омовение, были помидорно-красные лица, так как сразу после окончания водных процедур необходимо было хорошо растереть пострадавшие поверхности тела, в противном случае с них пришлось бы отковыривать лед. Завтракали, обедали, ужинали, устраивали дискотеки и другие культмассовые мероприятия в столовой – большом бараке, неплохо приспособленном для этих целей. Нетребовательной молодежи всех этих материальных благ вполне хватало, а духовные блага они с успехом создавали себе сами.

Все жильцы блока №709, кроме Кости Молоткова, были покорены Дамхурцем, и, конечно же, ехали туда и этой зимой. Костя жил всего в сорока километрах от лагеря вниз по Большой Лабе в поселке Курджиново и поэтому горы, к которым он привык с детства, не приводили его в такой восторг. На зимних каникулах он только на пару дней приезжал в лагерь навестить друзей и немного пополнить их запасы продовольствия и напитков. Русский горец Костя Молотков был экономным человеком, поэтому остался на два дня один в общежитии, чтобы вместе с отдыхающими бесплатно доехать до Курджинова на одном из арендованных институтом автобусов. Друзья его на эти два дня разъезжались по домам, чтобы вернуться с деньгами и небольшим запасом продуктов, поскольку в Дамхурце, хотя и кормили три раза в день, от ужина и до отхода ко сну, когда происходило самое интересное, оставалось много времени.

В канун отъезда, к вечеру, вся компания была в сборе. Наступила завершающая стадия подготовки к путешествию в горы. Первым делом послали Айвэна и Витю в универсам за консервами и напитками на дорогу и первое время в лагере. Потом отобрали и уложили в чемоданы и сумки самые необходимые вещи; в отдельную сумку были собраны все продукты и спиртное. Все подготовительные мероприятия завершились еще до восьми вечера, и теперь компания отчаянно скучала. С полчаса отъезжающие пытались беседовать на отвлеченные темы и слушать музыку, но убить время до утра никак не получалось: давало о себе знать чемоданное настроение. В предвкушении завтрашних событий все пребывали в возбуждении. Состояние это у каждого проявлялось по-разному: Айвэн, заложив руки за спину и наклонившись вперед, вышагивал по комнате; Серж сидел на кровати с гитарой, успокаивал Айвэна и настойчиво уговаривал друзей съесть чего-нибудь, хотя недавно поужинали; Ники успокаивал Сержа и уговаривал его не трогать оперативную сумку, так как знал, чем это может кончиться; Витя Гренкин сидел у стола и, глядя на друзей, развлекался тем, что комментировал их действия в матерных выражениях, в глубине души он был согласен с Сержем; Костя Молотков, самый спокойный из всех, чтобы не скучать и не терять времени даром, уже полчаса сидел в туалете. Атмосфера накалялась, и Айвэн в целях разрядки поддержал предложения Сержа.

Витя с готовностью поддержал Айвэна, Ники тоже долго не сопротивлялся. Рачительного хозяина Костю, который мог выступить против, просто поставили перед фактом: когда он вышел из туалета, Серж уже произносил третий тост. Потом произошло то, чего так боялся Ники: за час была уничтожена половина всех припасов, в том числе и волшебных напитков, после чего умиротворенные жильцы блока №709 улеглись спать.

Отъезд был назначен на семь часов утра, и в шесть блок №709 был уже на ногах. Долго будить и расталкивать никого не пришлось, потому что опоздать на автобус в Дамхурц было немисливо. Ники и его друзья могли не попасть вовремя на занятия, в кино и даже на какое-нибудь мероприятие с едой и напитками, но только не на автобус, уходящий в студенческий рай.

Однако не следует путать отдыхающих в заоблачных высях студентов с так называемыми альпинистами и прочими, подобными им несчастными людьми вроде поклонников горного туризма. Студента влекут в горы жажда жизни и возможность получить там как можно больше удовольствий – как эстетических, так плотских. В то время как горный турист – это личность, склонная к мазохизму, чей изошренный ум избрал горы в качестве средства самоистязания. Студент добирается до места назначения на автобусе (или другим видом транспорта), с любовью обустраивает свое временное жилище чемоданами, магнитофонами, пепельницами из подручного материала и сумками с едой и другими необходимыми для отдыха вещами, и потом он просто живет – с целью получить максимум наслаждения в им же и его единомышленниками создаваемом мире. Такое поведение есть не что иное, как самое человеческое из всего человеческого в человеке. Горный турист представляет собой полную противоположность настоящему студенту: он получает удовольствие от страданий. Он напяливает на себя мешок с лямками, в который сложены скудные пожитки и минимум (минимум!) запасов еды, а потом с этим убогим скарбом, потный и грязный, карабкается из последних сил по горным тропам, натирая мозоли и настойчиво убеждая себя, что это и есть настоящая жизнь. Студент, вернувшись к обыденной жизни (если можно так сказать о студенческой жизни), вместе с друзьями предается приятным воспоминаниям о том, что было с ним в горах; горный турист склонен к мифотворчеству: во-первых, он называет себя альпинистом, а половина всех, кто называет себя альпинистами, как известно, вообще не альпинисты; во-вторых, горные туристы в своих рассказах представляют изнуряющие душу и тело скитания как некие романтические приключения. Их задушевные разговоры на публику у костра с номерами художественной самодеятельности под гитару почти непереносимы. Особенное раздражение вызывает умение горных туристов петь песни голосами хороших людей.

Нет, решительно жильцам блока №709 был чужд альпинизм и какой бы то ни было горный туризм, и в это зимнее утро они никак не могли опоздать на автобус в ту страну, где они будут счастливы. Задержавшегося в туалете Ники вытолкали оттуда пинками и пошли к месту отправления не позавтракав, так как это можно было сделать в автобусе.

В полседьмого все пятеро уже топтались у входа в институт, где был назначен общий сбор. Через некоторое время стали подходить преподаватели и другие студенты. В без пятнадцати семь наступил самый тяжелый отрезок времени перед отъездом: автобусов еще не было, и все боялись, что они так и не придут, что поездка будет отложена, что придется возвращаться домой и там в расстройстве и растерянности переживать случившееся, хотя все знали, что опоздание общественного транспорта – закон этой жизни. В семь автобусов по-прежнему не было. Айвэн по привычке принялся расхаживать с руками за спиной, остальные сидели на чемоданах в мрачнейшем расположении духа. Наконец в половине восьмого автобусы подошли, и изможденная ожиданием публика стала занимать свои места. Серж и компания, как обычно, расположились в самом конце салона – подальше от преподавателей, которым отводились передние места. Кавалькада из пяти мягких автобусов двинулась в путь.

Ехать предстояло четыре часа, поэтому пассажиры устраивались на своих местах основательно. В салоне потеплело, путешествующие стали снимать верхнюю одежду и обкладываться ею для удобства. Когда выехали из Пятигорска, Серж напомнил друзьям, что они еще не завтракали, и тут же была извлечена на свет заветная сумка. На сложенных в проходе чемоданах был организован стол, и начался завтрак, приуроченный к особо торжественному комсомольскому собранию в честь отъезда в Дамхурц. Наливали с повышенными мерами предосторожности, чтобы не прогневить ответственного преподавателя. Этот пост в автобусе занимала тренер по гандболу Людмила Васильевна, у которой занимался Серж. У них сложились прекрасные отношения, и Серж знал, что облав и обысков не будет, но приличия соблюдались, так как сознательные члены комсомольского собрания не хотели ставить Людмилу Васильевну в неловкое положение перед другими преподавателями, ехавшими в этом автобусе.

Настроение было прекрасное. Ели и пили с таким удовольствием, будто только что отпустились. В трапезе, кроме наших знакомцев, участвовали и другие студенты с РКН, также решившие провести каникулы по-людски. Об одном из них следует сказать отдельно.

Алексей Васильевич Бобров, или Алекс, как его звали друзья, учился в английской группе на одном курсе с Сержем и Ники и был в высшей степени замечательной личностью. Он отлично знал английский, его эрудиция не знала границ, он был разносторонне талантлив, почитал поэта Вознесенского, декламировал многие его стихи на память и даже в совершенстве овладел его манерой читать свои произведения. "Я помню чудное мгновенье..." он мог выдать в таком ритме и с такими интонациями, что от Пушкина в этом стихотворении не оставалось и следа – один Вознесенский. Пописывал Бобров и сам, но не с детства, как все нормальные поэты. Однажды в начале первого курса ему в руки попала кассета с рок-оперой "Иисус Христос Суперзвезда", о существовании которой он знал, но ни разу не слушал. Первое же знакомство с этим произведением потрясло его. Своим открытием Алекс поделился с Сержем, и кончилось это тем, что в течение полугода они, кроме "Христа", вообще ничего не слушали. Музыка Уэббера поглотила их без остатка, они в нее влюбились и слушали до одури, Алекс по ходу переводил текст. Неожиданным результатом этого увлечения стал поход в институтскую библиотеку в надежде найти хотя бы какую-то литературу о жизни Христа, так как искать, а потом и иметь при себе Библию Серж и Алекс не решились. И они нашли – "Забавное евангелие" Лео Таксила. Отбросив идиотские комментарии воинствующего атеиста, они почерпнули из этого чтива все, что их интересовало, и теперь слушали рок-оперу более осмысленно. Но Боброву оказалось мало просто слушать и вникать, и в один прекрасный день (и ночь) он сел и написал свою рок-оперу, которая длилась тридцать две минуты и называлась "Собака Баскервиллей". Сюжет был взят у Конан Дойла, музыка – частью своя, а частью – заимствованная из "Христа". Собака в трактовке Боброва была добрая и обязанности чудовища исполняла по принуждению. Эту роль Алекс доверил Сержу. Представленный на факультетском новогоднем вечере опус имел хотя и не шумный, но все же успех. Это воодушевило новоиспеченного автора, и он сотворил рок-оперы про Иванушку-дурачка, про Адама и Еву, а также мюзикл по мотивам «Красной Шапочки». Кроме того, Алекс имел представление об игре на гитаре и под собственный аккомпанемент, немислимым образом выворачивая пальцы, исполнял весь репертуар «Битлз» и многое из «Дип Перпл» и «Лед Зеппелин».

Если бы Бобров обладал только этими достоинствами, то представлял бы собой просто замечательную личность, однако он был в высшей степени замечательной личностью, потому что интеллектуальная и творческая одаренность удивительным образом сочеталась в нем с абсолютной неприспособленностью к практической жизни в быту, точнее, во всем, что касалось каких-либо действий руками (исключая навык письма) и ногами. Алекс был патологически неловок. Если требовалось забить гвоздь, то молоток в его руках превращался в орудие разрушения и членовредительства, не говоря уже о работе топором или пилой. Был он чуть выше среднего роста и с виду хилват, но при попытках выполнить какую-либо работу, напри-

мер в комнате или кухне, по количеству и качеству разрушений мог сравниться разве что с бешеным слоном. Еще хуже дело обстояло, когда Алекс начинал заниматься спортом: если он играл в футбол или баскетбол, другие игроки шарахались от него, как от летящего на бреющем полете штурмовика, потому что Бобров, при том что не умел обращаться с мячом, травмы своими костями, хотя и неумышленно, наносил весьма болезненные. С таким же успехом он катался на коньках – с той лишь разницей, что увечья причинял в основном себе, так как продвигаться с помощью этого спортивного приспособления более полуметра не мог и падал со всего маху, своими движениями напоминая уроненную на пол крышку от кастрюли. Несмотря на все эти выкрутасы, Алекс не был физически слаб и некоторое время не без успеха даже занимался каратэ. Но самой убийственной чертой его характера было то, что он как будто и не замечал своей неуклюжести и неловкости и каждый раз с воодушевлением брался за новое дело, причиняя ущерб себе и окружающим.

И в этот раз Бобров достал из своей сумки колбасу, повернулся к импровизированному столу и уже взял нож, чтобы порезать ее, но Серж был начеку и отобрал у него инструмент, зная, что в лучшем случае пострадает чемодан, служивший столешницей. Он хорошо помнил, как год назад Алекс большим ножом, похожим на штык, прямо на земле открывал банку сардин в масле. Эта процедура происходила на виду у двух хорошеньких студенток, и несправимый пижон Алекс решил сделать все по-молодецки. Он положил банку на утрамбованный ногами снег, вогнал в нее нож и прошелся им по окружности сосуда. Затем он элегантно взялся двумя пальцами за края банки и, как ему казалось, поднял ее, однако все ее содержимое в виде бутерброда из двух круглых жестянок с сардинами между ними осталось на снегу. Он прорезал банку насквозь и теперь держал в руке аккуратное жестяное кольцо. Рыбу все-таки съели, а Алекс в душе радовался собственной удали. Словом, колбасу Серж порезал сам, и праздничный завтрак продолжился.

Когда утолили голод, начались песни. Бобров взял свою гитару с корявой надписью "Rock & Roll" и исполнил получасовое попурри из лучших хард-роковых композиций. Кавалькада тем временем миновала всегда солнечный и приветливый Черкесск. Теперь гитару взял Серж, и зазвучали песни о бубликах, бараночках и госпоже удаче, так как состояние молодых студенческих душ требовало именно такой музыки. Наоравшись вволю, включили магнитофон. Первое оживление прошло, и теперь каждый про себя, молча, с наслаждением переживал момент, осмысливая свое теперешнее положение и обдумывая ближайшие перспективы.

За Черкесском, в Красногорке, сделали короткую остановку с целью "девочки направо – мальчики налево" и потом снова продолжили путь. Дальше начались предгорья Кавказа – гряды все более высоких каменистых холмов и долин между ними. Если с вершины такого холма посмотреть вниз, то взгляду открывается целая страна – с реками и мостами, стадами овец на склонах гор и человеческими жилищами. Поэтому даже самые буйные и радостные студенты время от времени замолкали и замороженно созерцали открывавшиеся за окнами автобуса картины. За станицей Зеленчукской начались настоящие горы – высокие, с крутыми склонами, покрытыми лесом. Путешественники уже несколько утомились от первых впечатлений и с нетерпением ждали конца путешествия. За поселком Курджиново автобусы остановились, и публика в радостном возбуждении стала выгружаться. Далее автобусы не могли ехать, потому что начиналась горная дорога, и последние сорок километров предстояло проделать на вахтенных машинах – трехосных грузовиках с тентами над кузовами, а чаще без них. Студенты и преподаватели расположились у шлагбаума, который отделял верховья реки Большая Лаба, где находился лагерь Дамхурц, от остального мира, такого непривлекательного и скучного, если смотреть на него со склонов Кавказских гор.

Вахтенные машины проходили нерегулярно, никто не знал, сколько их будет, и поэтому в кузов каждой из них набивалось максимально возможное количество пассажиров с вещами. Опытные в этих делах Серж, Ники, Витя Гренкин и Алекс не торопились – знали, что обрат-

ного пути нет и они обязательно уедут (а не уедут, так пойдут пешком), а потому отправили с первыми машинами только свой багаж, оставив при себе оперативную сумку и гитару Боброва. Костя сошел еще в Курджиново, пообещав приехать через пару дней.

В то время как основная масса отъезжающих волновалась у шлагбаума, блок №709 в неполном составе и ассоциированный его член Алекс Бобров решили провести летучее комсомольское собрание с холодными закусками и напитками, посвященное почти прибытию к месту назначения. Уединились неподалеку, на берегу Лабы, но место выбрали таким образом, чтобы можно было следить за обстановкой на дороге. Пикник удался на славу и проходил весьма оживленно, приподнятое настроение поддерживала сама природа: вокруг были горы и снег, шумела река и сияло солнце, а впереди – почти две недели приключений. После третьего, несколько формального тоста Айвэн выступил с докладом о необходимости срочно привлечь в компанию красивых девушек, уже присмотренных им по дороге, но Серж ему резонно возразил, что обследован был только один автобус и торопиться пока ни к чему: есть угроза связать себя обязательствами не с самыми симпатичными студентками. Собрание поддержало Сержа и продолжило работу. События за импровизированным столом развивались по нарастающей и продолжение летучки решили отложить, потому что, во-первых, не в меру темпераментный Айвэн снова вернулся к своей идее немедленно установить контакты со всеми понравившимися ему студентками; во-вторых, вся компания серьезно опасалась, что содержимое оперсумки может не дожить до Дамхурца; в-третьих, Алекс начал косеть. Он жил в Кисловодске с мамой и бабушкой, под их бдительным и всевидящим оком, и большую часть года не позволял себе особых вольностей. Вырвавшись из-под домашнего надзора, он вдруг ощущал себя свободным от мешанских предрассудков и начинал усиленно злоупотреблять всем (кроме наркотиков). В этом он очень отличался от Ники и его друзей, которые уже привыкли к самостоятельной жизни и к прелестям свободы относились более сдержанно. К счастью, вакхический период у Алекса не мог продолжаться более суток, в том числе и по физиологическим причинам: его благопристойно воспитанный организм яростно протестовал против варварского нарушения образа жизни. Сейчас же Алекс пребывал в стадии разгона и пил наравне со всеми, хотя для него это было много. Собрание закрыли и перебрались поближе к шлагбауму, расположившись у забора из длинных жердей, который был его продолжением. Бобров снова взялся за гитару и осчастливил студентов, преподавателей и всю округу музыкальными цитатами из произведений самых разных жанров и направлений. Алексу было хорошо, он был как никогда артистичен и пустился бы в пляс, если бы Серж ловким приемом не усадил его на чей-то чемодан.

Машина, в которую смогли поместиться все оставшиеся, подошла только к четырем часам. Из кабины вылез изрядно пьяный водитель, и, дабы не пугать своим видом отъезжающих, так и остался за машиной, разминая затекшие ноги. Те, кто уже не первый раз ехал в Дамхурц, знали, что такое состояние шофера никак не угрожает безопасности пассажиров, поскольку управлять автомобилем он способен даже без сознания, в противном случае он бы не дожил до встречи с ними.

Ответственный преподаватель сел в кабину, Серж с компанией и человек десять других студентов расположились в кузове старенького Зил-157. В лагерь вела довольно ровная грунтовая дорога, лишь кое-где встречались ухабы и промоины, и путешествие в кузове грузовой машины не доставляло много неудобств. Дорога шла то по одному, то по другому берегу Лабы вверх по течению, так что путешествующие имели возможность обозревать красоты ущелья Лабы в самых разных ракурсах. От увиденного великолепия захватывало дух. Ники и его друзья уже в третий раз ехали по этой дороге и снова были потрясены великолепием пейзажей. Впрочем, потрясены были все, кроме Алекса: его тошнило. Он долго терпел, но на полпути не выдержал и выпустил мощную струю. Серж, сидевший лицом к Алексу, по выражению его глаз и по мимике давно понял, в чем дело, и готовился к такому исходу, поэтому в самый критиче-

ский момент он схватил голову страдальца, резко и с хрустом повернул ее в сторону пейзажей, едва не вывихнув Алексу шею, и фонтан был благополучно направлен за борт. Голые ветви куста, мимо которого в этот момент проезжала машина, не очень больно хлестнули Боброва по лицу, чем окончательно взбудрили его. Мутные глаза Алекса приобрели нормальный цвет и прозрачность, и теперь он тоже получил возможность наслаждаться красотами природы.

Подъемы и спуски следовали друг за другом, и то, что дорога шла вверх, не было заметно, но когда проехали километров тридцать, пассажиры вдруг увидели скалистые вершины, с которых снег не сходил даже летом. Они подъезжали к Дамхурцу.

В лагерь прибыли около шести вечера, когда уже стемнело, выгрузились и пошли искать свои вещи, отправленные ранее. По приезде жильцы блока №709 и ассоциированный его член Алекс Бобров первым делом узнали, что они в третьем отряде вместе с другими студентами с РКН. Отряды формировались по факультетам, но поскольку филологов было мало, то их приписали к испанцам, которые также уступали в численности французам и англичанам. Людмила Васильевна сообщила Сержу и его друзьям, что их отрядом руководить будет она и что жить они будут в правой половине дома №7 (дома были на два входа). Ники, Айвэн и Алекс понесли вещи в свое новое жилище, а Серж и Ники пошли на склад получать постельное белье, ведро и таз – таков был набор бытовых услуг.

Белье выдавал Евсеич – здоровенный мужик лет шестидесяти. Общение с ним не оставляло приятных впечатлений, поскольку говорил он неприязненно и грубо, фразы бросал резко, всем своим видом показывая свое отношение к прибывшим варварам – таковыми были по его глубокому убеждению все студенты. Движения его были размашисты и порывисты, так что, стоя рядом с ним, собеседник не всегда мог сразу определить, то ли он потянулся за подушкой на складской полке, то ли замахнулся, чтобы свиснуть вас по уху. Когда Ники разговаривал с ним, то всегда чувствовал на себе вековую ненависть коменданта лагеря к отдыхающим, которые обязательно что-нибудь порвут, прожгут, потеряют или чем-нибудь уделают, а ему потом отчитываться.

Евсеич работал комендантом в Дамхурце только третий год. Его предшественник безнадежно пил, но однажды взял себя в руки и первый раз в жизни отказался от предложенных стаграмм, и это его погубило: он так и не смог оправиться от потрясения, вызванного собственным поступком, и сошел с ума. С тяжелым психическим расстройством его поместили в специальную больницу, где ему окончательно пришлось бросить пить, так как не наливали. Освободившуюся должность занял Евсеич. О его появлении здесь ходили загадочные слухи: будто бы в 1945-46 годах он жил на Западной Украине и водил там тесную дружбу с бендеровцами и прочими лесными братьями, за что и провел многие годы на сибирских просторах, там же он обзавелся семьей. И вот несколько лет назад он появился в Дамхурце, и когда освободилось место коменданта, он занял его, а вместе с ним и дом из двух комнат с сенями и крыльцом, стоящий на краю лагеря и отгороженный от него забором.

Евсеич, еще в прошлом году пообщавшись со спокойным и вежливым Ники, всей душой возненавидел его, и Ники отвечал ему взаимностью. Он был уверен, что Евсеича специально выписали из Сибири на эту сволочную должность. Поэтому процедура выдачи белья, таза и ведра сопровождалась бюрократическими препонами, мелочными придирками и скоротечными перепалками. Кончилось все тем, что в залог за полученные вещи Сержу и Ники пришлось оставить паспорта с обрывками бумаги в них, на которых комендант собственноручно изобразил слова "матрас", "подушка" и т.д.

Когда Ники и Серж с охапками белья пришли наконец в свой дом №7, Айвэн и Витя уже вывели его и расставили кровати, неугомный Алекс помогал им игрой на гитаре. У Вити Гренкина, в отличие от Ники, с Евсеичем сложились нормальные отношения, поэтому он без труда взял у него колун и наколол дров. Печи в этих местах умели класть так, что в них горело все, что в принципе может только дымиться, даже сырые дрова. Главное было развести хотя

бы небольшой огонь, потом печь начинала функционировать в режиме реактивного двигателя, включая чрезмерный расход горючего. Но дрова были сухие, и через пятнадцать минут печь уже гудела от адского пламени. Стало тепло и уютно, потянуло дымком, и друзья не стовариваясь стали накрывать стол.

Половина дома, в которой располагалась компания, состояла из двух смежных комнат, в одной из которых, в передней, находилась печь. Спальню устроили во второй комнате, куда перетащили пять кроватей и застелили их. Одну оставили в передней в качестве дивана, здесь же поставили стол. Когда приготовления к застолью были закончены, к ним вошла Людмила Васильевна, чтобы переписать живущих в правой половине дома №7. Друзья уговорили ее не подселать к ним больше никого. Людмила Васильевна согласилась, но только при условии, что вся компания обещает выходить на утреннюю зарядку и участвовать в соревнованиях. Такого подвоха от нее не ожидали. Тем не менее все пятеро без колебаний приняли это условие с нечистой совестью: они знали, что не смогут выполнить его до конца.

В семь вечера трубный глас громкоговорителя, звучащий откуда-то с неба, позвал прибывших на ужин. В столовой, длинном зале с низким потолком, жильцы левой половины дома №7 увидели весь свой отряд в сборе и с удовлетворением констатировали, что они единственные представители сильного пола в своей новой ячейке общества. Обед был до пошлости неоригинален – гуляш с гарниром из картофельного пюре сомнительной консистенции, компот из сухофруктов, не поддающихся идентификации, и хлеб – единственный продукт, вызвавший только положительные эмоции, так как пекли его здесь же и с большим знанием дела. После ужина Серж скорым походным шагом увел компанию домой – в свое новое жилище. Некоторую неудовлетворенность ужином требовалось немедленно устранить.

С великой тщательностью, без суеты, по всем правилам этикета в передней комнате накрыли стол. В предвкушении праздника души все были изысканно предусмотрительны и внимательны друг к другу, хотя сложные по конструкции формулы вежливого обращения, высказанные матом, звучали несколько странно – но не настолько, чтобы резать студенческое ухо. Компания расселась вокруг стола, и наступила самая желанная для всех минута – началось торжественное комсомольское собрание, посвященное открытию двенадцатидневного сезона отдыха, любви и приключений. Как всегда бывает в таких случаях, участникам собрания казалось, что впереди у них целая вечность до начала занятий. Под воодушевленные и строго тематические тосты (благополучие, изобилие, девушки) табачного цвета шпроты, сардины в масле и колбаса разных сортов поедались с поразительной быстротой. Настроение катастрофически повышалось, и наступил тот момент, когда возникла абсолютно объективная необходимость идти знакомиться с соседями, но этого не произошло.

В дверь постучали, Ники поднял крючок, и комнату вошла прелестная девушка в короткой дубленке, джинсах и коротких сапожках на высоком тонком каблучке. Появление незнакомки в прокуренной до слез и наполненной жизнерадостным ржанием комнате было так неожиданно, что компания поначалу растерялась. Состояние это не продлилось долго, и уже через секунду почти вся команда изготавилась – говорить комплименты, умно острить и ненавязчиво ухаживать. Только Серж почему-то сосредоточился на обуви гостьи. Посмотрев на ее каблучки, он принялся размышлять, пришла она к ним на цыпочках или на четвереньках, потому что ходить по снегу в таких сапогах невозможно. Девушка же, не дожидаясь атаки, заговорила первой:

– Ребята, я ваша соседка через стену. Я извиняюсь, что не вовремя, но у нас потек потолок в комнате. Вы не могли бы взглянуть, что там с крышей.

– Без базаров, девчонки! – радостно-игриво промычал Айвэн, у которого от возбуждения начисто отшибло ту область мозга, где находилась категория числа имен существительных и осуществляется переход к галантной речи. Почти напролом пробираясь к выходу, друзья едва не перевернули стол.

Такого сюрприза друзья не ожидали. Откуда ни возьмись вдруг появился прекрасный повод для установления прочных двенадцатидневных связей с очаровательными соседками. Что может быть лучше, чем оказаться полезным девушке, с которой хочешь познакомиться. Мгновенно в головах у хозяев комнаты сложилась логическая цепь: за стеной поселились девушки – поскольку обратились к ним, знакомых мужчин у них нет – значит, они обладают приоритетным правом на соседок – возникает естественная необходимость совместного торжественного мероприятия. Далее следовали прогнозы, смелость и степень осуществимости которых у каждого была своя.

Никому из хозяев правой половины дома №7 и в голову не пришло отрядить на чердак кого-нибудь одного. Бескорыстные помощники нашли лишнюю сетку от кровати, вытащили ее на улицу и, прислонив ее к стене, как лестницу, в полном составе ринулись на крышу – спасать соседок. По одному протиснулись в узкую дверцу и оказались на чердаке. Серж осветил фонарем крышу, глазастый Ники обнаружил дыру в шифере, прямо под которой лежала горка снега, уже начавшая таять. Как только в доме затопили печь, вода просочилась через штукатурку и стала капать прямо на головы новых жильцов. Айвэн сгреб снег и выбросил его, Серж заделал дыру найденным тут же обломком шифера. Соседки были спасены, и теперь героев ожидало триумфальное возвращение на землю на глазах у очаровательной незнакомки, ожидавшей около их импровизированной лестницы. Тут выяснилось, что спуститься с крыши по кроватной сетке гораздо труднее, чем взобраться по ней. Выход из ситуации нашел Серж: он спрыгнул прямо на сугроб, наметенный под стеной дома. Хотя было не высоко, приземление оказалось более жестким, чем он ожидал: снег подтаял, слежался и был так тверд, что можно было поломать ноги. Предупредить об опасности Алекса, последовавшего за ним, Серж не успел. У Алекса не было ни теоретической подготовки, ни практического опыта прыжков с крыши, поэтому он не просто шагнул вниз, как Серж, а, поскольку дело происходило на виду у прелестной соседки, сильно оттолкнулся вперед и вверх – и полетел, ноги он при этом эффектно выбросил вперед, как прыгун в длину. Где-то в середине нисходящей траектории Алекс понял свою ошибку и попытался как-то сгруппироваться, но ввиду скоротечности полета ничего не получилось, и он на максимально возможной в таких условиях скорости осуществил жесткую посадку на мягкое место, которое, впрочем, было у него по причине худобы отнюдь не мягкое. При контакте с поверхностью планеты Алекс не издал ни звука, только через несколько секунд шумно выдохнул, когда обрел такую возможность. Вскочить и сделать вид, что ничего страшного, собственно говоря, не произошло, у него не получилось: завершающая стадия приземления ознаменовалась искрометным ударом головой о согнутые колени, и теперь Алекс был не в состоянии сообразить, где верх и где низ, какая сторона правая, а какая левая. Ему даже трудно было понять, вперед смотрит его голова или назад. Спрыгнули остальные. Серж и Витя Гренкин взяли Алекса под руки и осторожно отделили от сугроба. В снегу остались две аккуратные лунки, как если бы кто-то уронил небольшую, но тяжелую гантель. Ники заметил, что в случае необходимости для доказательства участия Алекса в спасательной операции можно будет предъявить отпечатки его задницы в сугробе. Алекс пришел в себя и начал непринужденно объяснять перепуганной девушке причины неудачи. По его словам, все было бы нормально, если бы крыша располагалась повыше или земля – пониже.

Провожать девушку пошли, естественно, все пятеро, справедливо рассчитывая на теплый прием с бурными выражениями благодарности и расположения к мужественным соседям. Герои-спасатели вслед за девушкой вошли в левую половину дома №7 и вместо приветливых девичьих лиц увидели нечто иное: на кровати, прислонившись спиной к стене, сидел молодой человек с перевязанной головой и мутными глазами. Больше никого в комнате не было. Опешивший Айвэн даже заглянул в дальнюю комнату – там тоже было пусто. Девушка внесла ясность:

– Это мой муж. Он слезил с машины и упал. Вот, разбил голову. Ему сейчас плохо, и я пошла к вам. Спасибо, что помогли.

– Пожалуйста, – за всех ответил Серж. – Рады были помочь. До свидания.

Друзья, все еще улыбаясь, раскланялись и развернулись к выходу. Тут раненый издал ртом булькотание, похожее на человеческую речь и не оставлявшее сомнений в причинах его нетрудоспособности. Оттолкнувшись спиной от стены, он попытался принять вертикальное положение, но не удержал равновесие и звонко шлепнул лицом по столу, стоявшему перед ним. Манипуляции с собственным телом не увенчались успехом, и он оставил всякие попытки предстать в человеческом виде, проводив гостей неопределенными жестами. Как впоследствии выяснилось, парень целенаправленно упивался еще в кузове вахтенной машины, причем на виду у преподавателей, и при выгрузке ухитрился лбом протаранить ворота, ведущие в лагерь. Начальство уже было осведомлено о его подвигах, и назавтра супружеской чете предстояло безрадостное возвращение на перекладных в Пятигорск.

Неудача на некоторое время испортила боевой настрой в правой половине дома №7. Друзья обсудили ситуацию и решили идти к испанкам. Они хорошо знали своих соотрядниц, поэтому продолжение праздничного вечера не сулило неприятных неожиданностей. Прихватили гостинцы (необходимый носильный запас бутылок и продуктов) и двинулись в путь. К испанкам компания заявила в самый разгар торжеств и была тепло встречена. Высокое собрание уже в новом составе расселось по кроватям, и застолье, точнее застужье, поскольку угощения лежали и стояли на стульях, продолжилось. Серж и Алекс по очереди играли на гитаре и пели, Витя Гренкин разливал, Ники раздавал наполненные стопочки, стаканы, чайные чашки и даже крышки от мыльниц. Айвэн же, делая вид, что принимает активное участие в ходе торжественного собрания, тем временем пытался тискать свою соседку справа, а иногда, когда забывал первоначальный замысел, то и соседку слева. Разливать всегда поручали Вите Гренкину, так как он обладал феноменальной способностью в любых условиях (в темноте, на бегу, в тряском кузове) и в любом состоянии наливать напитки всем поровну. К тому же, он был известен своей кристальной честностью и сообразительностью в этих делах, то есть остро чувствовал, когда необходимо применять дифференцированный подход при распределении напитков. В десять погас свет: электричество вырабатывалось автономной дизель-электрической установкой, и на ночь ее останавливали, чтобы зря не расходовать солярку. Как обычно в таких случаях, окна тщательно задрапировали байковыми одеялами и зажгли свечи. Свето-маскировка была необходима, потому что начальство не приветствовало проведение приемов и раутов после отбоя.

Торжественное собрание продолжилось при свечах, что придало ему еще большее очарование и некоторый оттенок романтики. В сигаретно-свечном чаду и при соблюдении режима тишины это стало похоже на странную помесь тайной вечера и гусарской вечеринки с артистками: Серж преломлял хлеба (сыр, колбасу, сардины в масле), Ники раздавал страждущим ритуальные напитки, остальные прочувствованно внимали друг другу и все более спланивались душами и телами. Не было там только Иуды и сакраментальных фраз.

Алекс опять опьянел и в этом состоянии, к своему удивлению, изобрел новый тип дорожного покрытия. Он сидел склонившись над стулом и бессовестно поедая хозяйское малиновое варенье. Алекс был крайне невнимателен, и сладкий, густой сироп пролился на пол и растекаясь в большую лужу. Бобров хотел переставить ноги, но обнаружил, что прилип. Он поначалу ничего не понял и продолжал сидеть как ни в чем не бывало, пытаясь понять произошедшее с ним. Со второй попытки ему удалось оторвать подошвы, и он переставил ноги – опять в лужу. Тогда он перестал дергаться и смирился. Потом он не за тот конец потянул газету, служившую скатертью, и гора хлебных крошек и прочих отходов застолья высыпалась в малиновую лужу. Бобров снова оторвал ботинки от пола и незаметно разровнял крошки под ногами, чтобы их не так было заметно. Тут выяснилось, что теперь отрывать подошвы гораздо легче, и Алекс

успокоился. Спустя пять минут он наклонился и потрогал получившееся покрытие пальцами – вышло нечто вроде асфальта. Он сел прямо и, качнув головой, хмыкнул, как если бы сказал про себя восхищенно: "Ишь ты!" Новое покрытие ему очень понравилось своей дешевизной и прочностью. В этот момент он заметил, что друзья его встали и собираются уходить, и присоединился к ним.

Придя домой, Серж, Айвэн, Ники и Витя Гренкин улеглись в постели, Алекс решил похозяйничать в доме и набил полную печь дров, чтобы всю ночь было тепло. Последние поленья он забивал ногами, и поскольку огонь разгорался, по его мнению, недостаточно быстро, он до предела выдвинул заслонку и на всю открыл поддувало. С чувством выполненного долга он разделся и сложил одежду кучей в свой распахнутый настежь чемодан, лежавший у его кровати. Алекс залез в постель и растянулся на спине, заложив руки за голову. Он лежал и улыбался, ему было хорошо, только состояние это довольно быстро прошло. С Алексом случилось то, что в народе называют вертолетами. Если он лежал, то его тошнило, тогда он садился в кровати и, уткнувшись носом в подобранные колени, засыпал. Заснув, он падал на спину, и тут его снова начинало тошнить. Потом весь цикл повторялся. Это маятниковое состояние длилось минут двадцать, которые показались Алексу вечностью, после чего страдальца вырвало прямо в открытый чемодан. Только после этого Алексу стало немного легче, и он заснул беспокойным сном: ему снилось, будто он на вздымающейся и проваливающейся палубе корабля пил водку и запивал ее литрами малинового варенья. Тошнило даже во сне.

Утром от громкого стука в дверь первым проснулся Ники и побежал открывать. В комнату вошла бодрая и пышущая горной свежестью Людмила Васильевна. Она пришла поднять на ноги команду Сержа, так как знала точно, что громкоговорителем ночных гуляк не пройдешь. Наступил кошмарный момент выхода на зарядку. Тренер ушла, и Ники, как дельфин, одним прыжком нырнул в кровать. Алекс видел этот трюк и про себя отметил его лихость и изящество. Выбираться из-под одеяла большинство жильцов правой половины дома №7 не решалось: в комнатах было так холодно, что изо рта шел пар. Благодаря хозяйским хлопотам Алекса дрова в печи выгорели за час, и к утру дом совсем остыл. В холодной комнате, предчувствуя страдания на зарядке, Серж, Ники, Айвэн и Витя впали в уныние. Бодр был только Алекс, он лежал и кричал:

– Сволочи! Кто наблевал в мой чемодан?

Друзья его не возмутились вместе с ним и не бросились искать злодея, осквернившего чемодан. В третий раз Алекс приезжал в Дамхурц, третий раз подряд напивался в первый же день, третий раз его рвало в собственный чемодан, и третий раз подряд он не мог поверить, что это его работа, и возмущался. Витя Гренкин видел вчерашние выкрутасы Алекса в гостях и вяло отреагировал:

– Не хрена было вчера после водки варенье жрать банками. Ты что, голодный был?

– Да нет, просто, вкусно было.

– Ну, значит, не будешь следующий раз на шару обжираться.

На зарядку все-таки пришлось выйти. Поскольку лагерь имел титул спортивно-оздоровительного, утром предполагалась километровая пробежка, потом следовали физические упражнения. Безумная идея с пробежкой больше всего возмущала жильцов дома №7. Айвэн негодовал:

– Ну это ж надо было до такого додуматься! Утренняя пробежка – в оздоровительном лагере!

Единомышленники благополучно пересидели этот номер программы в лесу за лагерем, однако на зарядке они были вынуждены присутствовать, так как проводилась она по отрядам и отсутствие их было бы замечено. Серж и Витя Гренкин втянулись и выполняли упражнения осмысленно и почти добросовестно, а Ники, Айвэн и Алекс лишь слабо имитировали движе-

ния Людмилы Васильевны, командовавшей мероприятием. После зарядки все, кроме Алекса, сославшегося на головную боль, пошли на реку совершать утренний туалет. На берегу друзья разложили у воды принадлежности и стали собираться с духом. Первым решился Серж. Он встал на четвереньки, погрузил голову в бурный поток и там размашисто помотылял ею. Удар тока, подкрепленный мощной вибрацией, пронизал первопроходца с головы до пят, и он обрел бодрость, как ему показалось, до конца дней своих. Сняв очки, примеру Сержа последовал Айвэн, но ударился лбом о подводную скалу и стал умываться традиционным способом – при помощи рук. Остальные присоединились к Айвэну, и через пять минут вся компания в жизнерадостном расположении духа возвращалась в свое жилище.

По доброй армейской традиции завтрак предварялся общим построением. На линейке, как еще называли это дисциплинообразующее мероприятие, начальник лагеря, командир (из студентов) и комиссар (из студентов – правоверных комсомольцев) поздравили всех с прибытием и призвали с пользой для морального и физического здоровья провести время в Дамхурце. Потом было устроено показательное аутодафе: изобличенную в пьянстве парочку построили перед непорочными студентами, и начальник лагеря зловеще и торжественно огласил приказ об изгнании нарушителей спортивно-оздоровительного режима. Провинившиеся, как Адам и Ева, изгнанные из рая, молча взялись за руки и пошли собираться в дорогу. Всем было их жалко. После этого экзекутор-начальник извлек из карманов конфискованные накануне две бутылки водки и демонстративно вылил содержимое в снег. По прокатившемуся в рядах смутному ропоту можно было заключить, что акция устрашения не возымела действия, но вызвала раздражение. Никто не испугался и не одумался, так как все давно уяснили себе, что развлекаться недозволенными способами можно – попадаться нельзя.

На построении также был зачитан также план культурно-массовых мероприятий и спортивных состязаний. Последнее для жильцов дома №7 звучало как приговор на каторжные работы. На первом месте в списке развлечений стояло представление отрядов, которое проводилось в первый после приезда день после ужина. Заставлять студентов принимать участие в подобных мероприятиях не было нужды: они прекрасно знали, что если сами себя не развеселят, никто их развлекать не будет. Поэтому после завтрака отряд №3 в полном составе собрался в левой половине дома №7, уже покинутой изгнанниками. Название отряду придумали простое, но со смыслом – "Картинки с выставки", потом придумали, что делать на сцене, и Бобров принялся сочинять тексты для участников представления. Подготовкой к вечеру занимались весь день, зато к представлению отрядов подошли во всеоружии.

После ужина официального в доме №7 состоялся ужин неофициальный – с "а ля фуршетом" и напитками, после чего Алекс, как главный режиссер, повел свою команду в столовую, которая к этому времени силами дежурных превратилась в нечто подобное кабаре, только без подиума и официантов. Представление началось. "Картинки с выставки" упирали, в основном, на интеллект и клоунаду. Студенты с английского факультета оригинально и в духе времени назвали свой отряд "Меридианом" и представили романтическую историю с пенями о горах. Отряд французов назвал себя "Гусарская баллада" и бессовестно инсценировал не совсем приличные анекдоты о поручике Ржевском, заменяя перифразами нелитературные фрагменты. Жюри – комиссар, командир, эстетически грамотные преподаватели – единодушно присудило первое место "Картинкам с выставки". "Картинки" в полном составе перебрались в дом №7 и там быстро и эффективно отметили победу, а затем вернулись в столовую, которая уже стала дискотекой. В низком, плохо освещенном зале студенты самозабвенно отплясывали под "Бель Эпок", "Чингиз Хан" и тому подобное, изредка разбавляемое композициями «Дип перпл» и «Назарет».

В самый разгар веселья с дискотеки пропал Витя Гренкин. Ушел с незнакомой его друзьям девушкой. Явился он только к двум ночи, когда все уже улеглись и теперь делились впечатлениями от прожитого дня. Витя был весел и явно чем-то взволнован. После недолгих

отпирательств он рассказал, где был. Гренкин на дискотеке пригласил на танец приглянувшуюся незнакомую девушку и уже к концу второго тура вошел с ней в довольно тесный контакт. Его новая знакомая – Ира училась не в инязе, в фарминституте, и в Дамхурц приехала отдыхать со своими знакомыми. Витя, очевидно, очень понравился Ире, потому что она с удовольствием приняла его приглашение к приключению. Они сбежали с дискотеки и в доме №7 мило отпраздновали свое знакомство. Их взаимные симпатии бурно прогрессировали, и встал вопрос о свободном помещении. Витя знал, что дома предпринимать ничего нельзя, так как его товарищи время от времени приходили сюда для "дозаправки в воздухе", как называл это Ники. Безопасность в левой половинке этого дома тоже не была гарантирована, поэтому Витя сделал вид, что смирился, и они пошли гулять. На этом повествование окончилось, Витя не стал рассказывать, что было дальше. А дальше хитрый Гренкин завел даму в лес за пределами лагеря, там увлек ее под елку и стал приставать. Приставал Витя так страстно, что буквально через минуту парочка уже не замечала ни мороза, ни сыпавшегося с веток снега. Гренкину никогда еще не приходилось заниматься любовью в таких суровых условиях, но ему все удалось, хотя в ходе священнодействия под елкой он чуть было не причинил своей подруге вывихи некоторых суставов. Потом они долго гуляли по дороге, проходящей через Дамхурц, смеялись и дурачились. Домой Гренкин возвращался переполненный впечатлениями: он первый раз в жизни любил девушку стоя под деревом, в лесу, в горах, на двадцатиградусном морозе. Вите очень понравилось, но всех этих деталей он не сообщил друзьям.

Тут же было проведено летучее комсомольское собрание, на котором в результате анализа скудной информации, предоставленной Витей, был сделан правильный вывод, что он все-таки сделал это под звездами Дамхурца. Сексуальный подвиг комсомольца Гренкина вызвал у его друзей небывалое чувство гордости за товарища. Размусоливать подробностей не стали, только Ники заметил:

– Ну что, Айвэн, теперь у тебя появился сексуальный антипод.

– Какой антипод?

– Ну, ты, Айвэн, у нас термофил, любишь по горячим котельным с подружками шляться. А у Вити – криофилия. Страсть к занятиям любовью при низких температурах.

Тему развивал Серж:

– Ты, Витек, уникальная личность. Заниматься этим на морозе, кроме тебя, могут только пингвины и белые медведи.

– А чукчи, ханты, манси, эскимосы? – спросил дотошный Айвэн.

– У них для этих целей есть чумы, иглу, вигвамы и яранги. А Гренкин – мужчина, он сделал это под открытым небом из любви к искусству. Учись, Ники.

Ники пообещал, а Витя Гренкин, умудренный недавним опытом, предложил обговорить условия, при выполнении которых каждый из жильцов дома №7 имел бы гарантированные полчаса для уединения с дамой. Совместными усилиями был выработан соответствующий график. Тема была исчерпана, и собрание закрыли. Комсомолец Бобров в этот вечер был осторожен, поэтому обошлось без вертолетов и чемоданов, уделанных не дошедшими до назначения продуктами. Перед сном как никогда внимательный к друзьям Гренкин пожелал им:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.